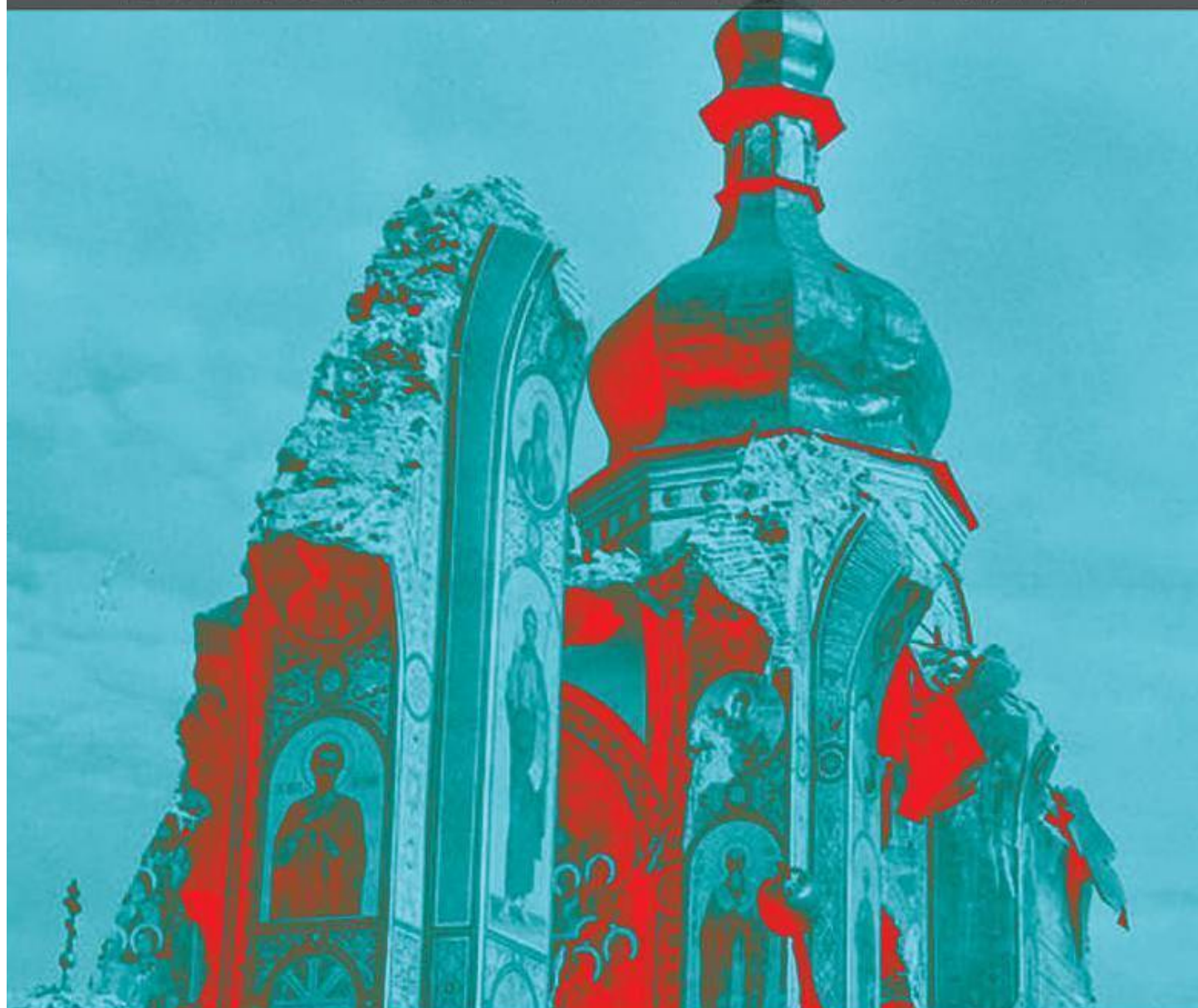

НИКОЛАЙ ПЕТРОВСКИЙ

ШЕДЕВРЫ, ОБОЖЖЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Николай Петровский

Шедевры, обожжённые войной

«Алисторус»

2020

УДК 323
ББК 63.3

Петровский Н. В.

Шедевры, обожжённые войной / Н. В. Петровский —
«Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-06-5

В книге рассказано об утраченных в годы Великой Отечественной войны ценнейших памятниках истории и культуры. В своей научно-поисковой работе автор широко использует материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), отчеты советских поисковых бригад, работавших на территории поверженной Германии в 1945–1946 годах, и немецкие трофейные документы. Публикуется «Кенигсбергский дневник» А.Я.Брюсова, члена поисковой бригады от Комитета по делам культпросветучреждений в Восточной Пруссии, и другие материалы, посвященные поискам «плененной» Янтарной комнаты.

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-907332-06-5

© Петровский Н. В., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

От автора	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Петровский

Шедевры, обожжённые войной

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

© Петровский Н. В.

© ООО «Алисторус», 2020

© Петровский Н. В.

От автора

В этом есть некий парадокс: чем глубже в историю уходит Вторая мировая война, тем острее становятся споры о последствиях этой величайшей трагедии XX века. В числе проблем, вокруг которых не затухают дискуссии – вопрос о судьбе перемещенных историко-художественных ценностей, опаленных порохом войны, подчас в самом прямом смысле этого слова. Поэтому полезно, хотя бы вкратце, напомнить некоторые исторические вехи, связанные с затронутой темой.

В период Второй мировой войны нацистская Германия осуществляла планомерный вывоз историко-художественных ценностей с оккупированных территорий. Этим занимались многочисленные германские организации, штабы и зондеркоманды. Под верховным руководством рейхсфюрера СС Г.Гиммлера находилась созданная в 1933 году и инкорпорированная в СС в 1937 году организация «Аненербе» («Наследие предков»), занимавшаяся расхищением археологических коллекций. В распоряжении министра иностранных дел И. фон Риббентропа находился батальон особого назначения под командованием штурмбанфюрера СС барона фон Кюнсберга, состоявший в основном из архивистов и библиотечных работников. Три (из четырех) роты этого батальона «работали» на оккупированной территории Советского Союза. Также в подчинении внешнеполитического ведомства находился отряд «Кунстштутц», изымавший произведения искусства для дипломатических целей. Команда «Кунсткомиссион» специализировалась по дворцовому искусству. В прифронтовой зоне орудовали «роты пропаганды» Вермахта. Однако самой крупной организацией по выявлению и изъятию культурных ценностей являлся Оперативный штаб «Рейхсляйтер Розенберг», в состав которого входили 350 искусствоведов и научных работников. Для захваченного штабом Розенберга имущества были созданы сборные пункты в Пскове, Риге, Таллинне, Вильнюсе, Кенигсберге, Киеве. О масштабах грабежа можно судить хотя бы по такому факту: в октябре 1944 года Розенберг докладывал начальнику имперской канцелярии Ламмерсу о том, что для вывоза изъятых его штабом художественных ценностей потребовалось 1418 товарных вагонов. Как правило, самые лучшие в художественном отношении культурные ценности предназначались для создаваемого Музея фюрера в Линце.

От рук фашистских оккупантов на территории СССР пострадало 427 музеев (в том числе в России – 173), из них около 40 вообще были стерты с лица земли. Только массовые библиотеки потеряли более 100 миллионов книг. По подсчетам архивистов, пострадали 44 897 фондов, почти 60 процентов архивного достояния Российской Федерации.

Особое место в списке утраченных культурных ценностей занимает Янтарная комната, похищенная гитлеровцами из Екатерининского дворца и бесследно исчезнувшая в последние дни войны. Поиски Янтарной комнаты растянулись на многие десятилетия. Загадка ее исчезновения вошла в список главных тайн отечественной истории.

По некоторым оценкам, общая стоимость утраченных нашей страной только культурных ценностей может превышать отметку в 200 миллиардов долларов (по текущему курсу). Но как оценить или возместить разрушенные оккупантами церковь Спаса на Нередицы близ Новгорода – выдающийся памятник русской средневековой культуры, или Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря – один из шедевров русского зодчества XVII века?

После войны на территории поверженной Германии удалось обнаружить и вернуть в Россию очень немногое. По сути дела пропал, исчез безвозвратно целый пласт национальной культуры, который ничем уже не восполнить.

К сожалению, Россия долгие годы оставалась едва ли не единственной страной, не имевшей даже приблизительных данных о культурных ценностях, похищенных и вывезенных с ее территории в годы Второй мировой войны. Списки, составленные Государственной чрезвычай-

чайной комиссией по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), носили лишь приблизительный характер. Работу, проводившуюся по горячим следам событий, осложняло то, что оккупанты, грабя учреждения культуры, старались уничтожить или вывезти с собой инвентарные книги. К тому же материалы ЧГК предназначались для Нюрнбергского процесса, и надо было спешить. Затем многие десятилетия этой проблемой у нас никто не занимался, поскольку сама тема находилась под негласным запретом. Историкам еще предстоит разобраться, почему проблема наших колоссальных утрат в сфере культурного наследия так долго находилась в забвении.

Работа по конкретному выявлению и подсчету потерь началась лишь в 1990-х годах. На заседании Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, состоявшемся в апреле 1996 года, было решено подготовить реестр культурных ценностей России, утраченных в годы войны. Этой сложной и масштабной работой на протяжении многих лет занимались: Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Федеральная архивная служба, Межведомственный совет по вопросам культурных ценностей, перемещенных в результате Второй мировой войны (до 1999 года – Госкомиссия по реституции). Очень большая научно-поисковая работа была проведена сотрудниками пострадавших музеев.

В 1999 году вышли в свет первые тома «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны» (под общ. ред. П.В.Хорошилова и др.), а всего на сегодня их издано восемнадцать (см. сайт в сети Интернет www.lostart.ru). Они посвящены потерям Третьяковской галереи и Русского музея, Екатерининского и Павловского дворцов, Орловского областного краеведческого музея, Смоленского музея, Воронежского областного художественного музея имени И.Н.Крамского, музея-заповедника «Петергоф», историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», Гатчинского дворца, Псковского музея-заповедника, Калужского областного художественного музея, Острогжского художественного музея имени И.Н. Крамского, Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника, Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А.Коваленко, музеев Твери и Подмосковья. Отдельные тома посвящены утраченным архивным фондам и ценным книжным собраниям. На сегодняшний день в Сводном каталоге учтено 1 177 290 единиц хранения (музейных предметов, редких книг, рукописей и архивных дел). Первоначально предполагалось издать в общей сложности около 30 томов этого уникального научного труда. К сожалению, эта работа не была доведена до конца. В 2011 году Министерство культуры Российской Федерации, ссылаясь на финансовые трудности, прекратило издание Сводного каталога. Неопубликованными остались подготовленные к печати очередные тома об утратах Тверского объединенного музея, утраченных книжных фондах Гатчинского дворца. Остановлены архивные исследования культурных потерь Великого Новгорода, Ставрополя, Курска, Брянска, Волгограда...

Уже давно ни для кого не секрет, что в 1945-46 годах из Германии в Советский Союз было вывезено значительное количество историко-культурных ценностей. Осуществлялось это на вполне законных основаниях, в соответствии с соглашениями между странами-победительницами фашистской Германии. Тогда никто не оспаривал того несомненного факта, что страна, развязавшая мировую войну, должна хотя бы частично компенсировать тот гигантский ущерб, который был причинен культурному достоянию нашей страны.

Вместе с тем, что склонны забывать некоторые наши недобросовестные оппоненты, с 1955 по 1960 год Советский Союз по собственной инициативе и в одностороннем порядке осуществил целую серию передач ценностей, вывезенных с территории Германии, в ту ее часть, которая с 1949 по 1990 год именовалась Германской Демократической Республикой. В общей сложности ГДР было передано более полутора миллиона музейных предметов, в том числе 1240 полностью отреставрированных экспонатов Дрезденской картинной галереи, среди кото-

рых были выдающиеся работы Дюрера, Яна ван Эйка и «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, 1610 картин из других галерей, сокровищница саксонских курфюрстов «Зеленые своды», знаменитый Пергамский алтарь, 18 388 памятников античной культуры, 100 000 монет (из которых 4187 золотых), 16 000 листов графики, 250 000 редких книг и манускриптов, а также более 3 миллионов архивных дел. Как видно из приведенных данных, масштабы возврата перемещенных ценностей были весьма внушительны.

Оставшаяся часть перемещенных культурных ценностей (стоит подчеркнуть: менее 10 процентов от общего числа) была помещена в запасники Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина и некоторых других музеев. В ту пору эти произведения искусства нигде не экспонировались.

Ситуация кардинальным образом изменилась в начале 90-х годов. С этого времени перемещенные культурные ценности, находящиеся в нашей стране, регулярно экспонируются на выставках. Только за последние годы их было проведено более двадцати. Начиная от таких масштабных как «Пять веков европейского рисунка. Рисунки старых мастеров из бывшего собрания Франца Кенигса» в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и «Шлиман – Петербург – Троя» в Государственном Эрмитаже до совсем небольших, почти «камерных» экспозиций, как «Частные коллекции и личные трофеи» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И.Рудомино и «Уникальный художественный переплет XVI – начала XX века. Книги из коллекции Карла Бехера» в Российской государственной библиотеке. Как правило, все крупные выставки сопровождались подробными научными каталогами. Таким образом, в научно-культурный оборот были возвращены тысячи произведений искусства, остававшиеся многие годы недоступными для зрителей.

Но ведь не только одна Россия хранит у себя перемещенные культурные ценности. Они имеются во Франции, в США, Англии, Голландии, Чехии, Польше и в других странах. И как-то не замечено, чтобы где-либо еще кроме России проводились выставки перемещенных культурных ценностей. Более того, Россия – единственная страна, принявшая специальный закон о реституции и отвечающая по реституционным претензиям на государственном уровне. Следует сказать, что за последние двадцать лет Россия возвратила большой массив архивных документов таким странам как Франция (более 900 тысяч дел), Бельгия (40 архивных фондов), Голландия (30 архивных фондов), Люксембург (103 единицы хранения), Австрия (10 770 дел). Эти архивы были изъяты Германией у поверженных ею стран и народов Европы, а после войны оказались в нашей стране в составе перемещенных культурных ценностей.

Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» определяет возможность возвращения бывшим неприятельским государствам историко-художественных коллекций, которые ранее являлись собственностью религиозных организаций или частных благотворительных фондов. Исходя из этого Венгрии была возвращена «Шарошпатакская библиотека» – уникальное собрание старопечатных книг, а Австрии – библиотека князей Эстергази (977 книг XV–XVIII веков).

За этот период в нашу страну удалось вернуть десятки произведений, происходящих из собраний Русского музея, Третьяковской галереи, музеев Новгорода, Старой Руссы, Пскова, Твери, Таганрога, Калуги, пригородных дворцов-музеев Петербурга, а также архивные документы Смоленского обкома ВКП (б). В 2004 году из США в Тихвинский мужской Богородичный Успенский монастырь была возвращена чудотворная Тихвинская икона Божией Матери, находившаяся более полувека вне России. Возвращение этой национальной святыни стало заметным событием в нашей общественно-духовной жизни.

Проблема «трофейного искусства» относится к числу наиболее сложных и болезненных в современных российско-германских отношениях. В 2000 году тогдашний министр куль-

туры ФРГ Михаэль Науман передал в министерство культуры РФ список перемещенных историко-художественных ценностей, возвращение которых немецкая сторона хотела бы осуществить в первоочередном порядке. В этом перечне фигурировали: архив министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, книги из Готской библиотеки, фонды Музея древней и ранней истории, Эберсвальдский клад, собрание книг графа Карла Августа фон Харденберга, картины Бернхарда Келера, две Библии Гутенберга, собрание картин Отто Кребса, мемориальные вещи Александра Гумбольдта, фамильное серебро герцога Ангальтского.

Переговоры с немецкой стороной о взаимном возвращении перемещенных культурных ценностей велись без малого четверть века. При этом следует заметить, что российских перемещенных культурных ценностей на территории современной Германии не очень много, и все они находятся исключительно в частных коллекциях. В результате переговорного процесса стало возможным возвращение Германии в 2002–2008 годах средневековых витражей (117 витражных стекол) церкви святой Марии (Мариенкирхе) во Франкфурте-на-Одере, хранившихся в Государственном Эрмитаже и частично в Пушкинском музее. В качестве ответного шага немецкая сторона выделила средства на восстановление разрушенной в годы войны новгородской церкви Успения на Волотовом поле.

В настоящее время из-за обострившейся международной обстановки переговоры с немецкой стороной по проблемам перемещенных культурных ценностей приостановлены. Во всяком случае, пока...

Часть I

Историко-художественные ценности в жерновах войны

Глава 1

Что ценнее – Реймский собор или церковь Спаса на Нередице?

Казалось бы, о событиях военного времени мы знаем почти все. Но и через семь десятилетий после Победы поток времени порой выносит на «берег» документы, о существовании которых даже специалисты успели забыть или не знали вовсе. Именно такой оказалась недавняя находка в Архиве внешней политики Российской Федерации, где были выявлены весьма важные документы 1941 года, хранившиеся в режиме строгой секретности. Они связаны с попытками нейтральной Швеции выступить в роли посредника между СССР и фашистской Германией по некоторым гуманитарным проблемам.

Дело было так. 14 июля 1941 года посланник Швеции в Москве В.Ассарсон вручил заместителю наркома иностранных дел С.А.Лозовскому меморандум, в котором Стокгольм просил сообщить, признает ли Советский Союз обязательной для себя в войне с Германией Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны.

Ответ последовал через три дня. Лозовский вручил г-ну Ассарсону памятную записку, в которой было сказано: «Советское правительство признает для себя обязательной Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. Однако советское правительство считает необходимым подчеркнуть, что в войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции. Это обстоятельство ставит советское правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Гаагскую конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией».

Меньше чем через месяц, 8 августа 1941 года, Народный комиссариат иностранных дел СССР вновь вернулся к этой теме – направил в посольство Швеции в Москве вербальную ноту (письменное сообщение, делаемое в третьем лице и без подписи, что приравнивает его к устному заявлению). В ней повторно напоминалось, что Москва будет соблюдать в войне с фашистской Германией Гаагскую конвенцию, но только на паритетных условиях. Копии ноты были направлены во многие посольства и миссии, аккредитованные в Москве, включая посольства США, Великобритании, Японии и Китая.

Документов, содержащих сведения о реакции главарей Третьего рейха на названные документы, в фондах не обнаружено. Однако по некоторым косвенным данным установлено, что Берлин даже не принял к рассмотрению аналогичное обращение шведского правительства. Тем самым он отказался от соблюдения Гаагской конвенции и не мог рассчитывать на ее выполнение со стороны СССР.

Напомню, что Гаагская конференция 1907 года, в работе которой приняли участие 44 государства, была созвана по инициативе Николая II. Помимо России, в ней участвовали Великобритания, США, Германия, Франция, Италия, скандинавские страны, Япония, государства Южной и Центральной Америки. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны сыграла немаловажную роль в международно-правовой регламентации ее ведения и стала пер-

вым международным соглашением, запрещающим преднамеренное разрушение памятников культуры и их конфискацию во время военных действий.

Это полезно знать потому, что несоблюдение Гаагской конвенции стало самым расхожим обвинением в адрес реституционной политики России. Особенно наглядно это проявилось в меморандуме, поступившем в 1994 году в наше министерство культуры из посольства ФРГ, в котором изложена германская точка зрения на проблему перемещенных культурных ценностей. Сразу вслед за этим, в 1995 году, руководитель управления прессы и информации МИД ФРГ Хаген Ламсдорф опубликовал в книге «Zu Kunst und Kunstpolitik» статью «Возвращение немецких культурных ценностей – пробный камень германо-российских отношений».

Немецкий дипломат категорически отрицает законность вывоза в СССР в 1945–1946 годах германских культурных ценностей в качестве компенсаторной реституции. И ссылается при этом на статьи 46 и 56 Гаагской конвенции, в которых сказано: «Произведения искусства и науки и посвященные искусству и науке учреждения на оккупированных территориях охраняются от изъятия независимо от того, находятся ли они в частной или государственной собственности».

Однако по-немецки дотошный Ламсдорф почему-то не замечает второго абзаца 56-й статьи: «Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещается и должны подлежать преследованию». Вот несколько фактов, иллюстрирующих, в каких масштабах осуществлялись подобные действия на территории России. От рук фашистских оккупантов пострадало 173 музея, были обращены в руины тысячи библиотек, архивов, школ. Стерты с лица земли православные храмы и святыни Пскова и Новгорода. Преднамеренно были уничтожены такие выдающиеся историко-культурные памятники как Успенский собор Киево-Печерской лавры (XII в.) и Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря. А число утраченных движимых объектов культуры вообще не поддается никакому учету.

Не секрет, что ФРГ не признает российский закон о перемещенных культурных ценностях, считая, что в нем не соблюден приоритет международного права и полностью игнорируется Гаагская конвенция. Согласиться можно лишь с последним: в нашем федеральном законе, как ни странно, действительно нет ни единого упоминания о Гаагской конвенции. Возможно, российские законодатели считают, что ее в определенной степени подменяет Декларация союзных и соединенных государств, подписанная в Лондоне 5 января 1943 года странами антигитлеровской коалиции. В ней фашистская Германия и ее сателлиты предупреждались о незаконности приобретения похищенных культурных ценностей.

Но самое удивительное и конфузное – да извинят меня российские парламентарии! – заключается в том, что этот документ в российском законе почему-то именуется «Декларацией Объединенных Наций от 5 января 1943 года». А ведь ООН была создана лишь в октябре 1945 года! Ляп, дающий неограниченные возможности оппонентам демонстрировать свое чувство юмора по поводу «этих странных русских».

Не исключаю, что желание «забыть» о Гаагской конвенции было продиктовано стремлением не акцентировать внимания на «невыгодном» для России юридическом документе. Но мы успели убедиться, что это заблуждение.

А теперь еще немного истории. Проблема возмещения потерь в сфере отечественной культуры возникла уже в начальный период Великой Отечественной войны. 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Одним из направлений ее деятельности являлось определение ущерба, нанесенного культуре. Советская номенклатура в комиссии была представлена Н.М.Шверником (председатель) и главным партидеологом А.А.Ждановым. Остальные места достались видным ученым, художникам, архитекторам, писателям. «Дежурного героя» – в то время он был обязательным –

представляла знаменитая летчица Валентина Гризодубова, а церковь, опору в которой с началом войны искал Кремль, – митрополит Киевский и Галицкий Николай.

Для оценки разграбленного и уничтоженного фашистами культурного достояния ЧГК создала собственное экспертное подразделение – Бюро экспертизы, которое возглавил академик И.Э.Грабарь. Он же был главным разработчиком концепции так называемой компенсаторной реституции.

Огромный массив документов Чрезвычайной комиссии, а это главным образом стенограммы заседаний за 1943–1944 годы, хранится в Государственном архиве Российской Федерации. С этими материалами, откровенно говоря, никто еще серьезно не работал. А между тем пожелтевшие страницы с текстами, которые неровным шрифтом набивали усталые машинистки, сохранили непередаваемый дух военного времени. Знакомясь с ними, нельзя не заметить, что у членов комиссии тогда еще не было ясности в том, как разобраться в гигантских масштабах разграбленных и уничтоженных оккупантами богатств, а главное, как, хотя бы примерно, оценить стоимость потерь. Самые большие трудности возникли при разработке методики оценки разрушенных памятников архитектуры.

В качестве примера наиболее часто фигурировала уничтоженная немецкой артиллерией Спасо-Преображенская церковь на Нередице, один из самых замечательных памятников средневековой архитектуры и живописи XII века. Игорь Грабарь говорил, что взамен нее можно было бы «взять да привезти какой-то Реймский собор». Или, с учетом заведомой нереализуемости этой идеи, предлагал искать эквивалент в «Сикстинской мадонне». Стоимость Спасо-Преображенской церкви тогда представлялась ему сопоставимой со стоимостью «1 °Сикстинских мадонн».

Конечно, сегодня эти утверждения выглядят диковато, если не сказать – цинично. Но вспомним, в какое время работала комиссия. По стране, громяхая, катился тяжелой каток гитлеровской военной машины, оставляя за собой руины и дым пожарищ. Илья Эренбург в те дни писал: «Я призываю к ненависти!». Константин Симонов в раскаленных гневом стихах заклинал солдат истреблять фашистов: «Сколько раз ты увидишь его, столько раз и убей!». А Михаил Шолохов сборник своих военных очерков назвал «Наука ненависти». И это было точным отражением настроений, которыми жила страна, подвергшаяся самой жестокой агрессии в мировой истории.

Для разрядки замечу, что среди экспертов порой возникали и курьезные – с сегодняшней точки зрения – споры. Так, оценивая урон, причиненный мемориальным зданиям в Ленинграде, известный питерский архитектор Николай Белихов поставил в один ряд дома, в которых жили Некрасов и Ленин. «Должна быть разница между ними», – строго поправил академик Грабарь. «Где больше и где меньше?» – попросил уточнить Белихов, человек, видимо, смелый. «Конечно, для Ленина больше», – последовал ответ.

Заходила речь и о поразительном мужестве, которое проявляли советские люди, пытаясь защитить художественные сокровища народа. Об одном из таких случаев рассказал Грабарь. Фашисты вывозили из Пятигорска ценности, переправленные туда из Ростовского музея, но, по его словам, «благодаря фанатичной преданности трех музейных работников, которые жили под угрозой расстрела, часть ящиков была спасена и спрятана. Как их отблагодарить? Это настоящие герои, как на фронте. Они спасли Левитана, Репина...».

По инициативе Алексея Толстого был поднят вопрос об издании альбомов с изображением погибших памятников. Были намечены два издания – альбом для заграницы, содержащий 100–150 снимков большого размера «того, что было, и того, что осталось после разрушений», и скромное издание для советского читателя: «небольшие фотографийки, которые дают фактический материал».

В молодые годы Игорь Грабарь подолгу жил в Германии и хорошо знал сокровища немецких музеев. На одном из заседаний экспертного совета, рассматривая проблему возмещения

наших потерь в сфере культуры, он говорил: «Мне казалось бы, что мы никоим образом не должны покушаться на такие экспонаты германских музеев, которые являются национальными памятниками самой Германии. Нам... важно получить то, что они успели собрать со всего света».

До взятия Берлина было еще далеко, только-только отгремел Сталинград, а Грабарь был убежден, что из Берлинского музея Пергамон в Советский Союз в порядке компенсации будет вывезен Пергамский алтарь – знаменитый античный рельеф, запечатлевший битву греческих богов и гигантов. «Пергамский алтарь, – говорил он, – мы непременно вывезем, но вот незадача – что они (союзники. – Прим. Н.П.) зачтут за него?»

Академик Грабарь и доктор искусствоведения В.Н.Лазарев 29 сентября 1943 года обратились с письмом к Сталину, в котором указывали, что возмещение за ущерб, причиненный художественным ценностям СССР, должно быть получено в виде экспонатов, собранных в богатейших германских музеях. Подготовленный ими список эквивалентов включал 1745 первоклассных предметов искусства на общую сумму более 70,6 миллиона американских долларов.

Оставив в стороне все другие аспекты, нельзя не поразиться тому, что в 1943 году, когда впереди было еще полвойны, Грабарь и его коллеги по Комиссии нисколько не сомневались, что СССР как стране-победительнице будут в законном порядке переданы «Сикстинская мадонна», резные алтари Нюрнберга, тот же Пергамский алтарь. И ведь все эти и многие другие шедевры в самом деле были вывезены в Москву и Ленинград!

Правда, спустя десять лет 90 процентов перемещенных из Германии в СССР культурных ценностей были возвращены «братской ГДР». Но это тема отдельного разговора...

Никаких ссылок на Гаагскую конвенцию в материалах ЧГК я не нашел. Да стоит ли удивляться? В то время на повестке дня стояли совсем другие вопросы. Надо было организовывать поиски похищенных историко-культурных ценностей и хотя бы частично компенсировать немецкими музейными экспонатами тот колоссальный ущерб, который был причинен культурному достоянию нашей страны.

Оценить его, как мы уже знаем, чрезвычайно трудно. Вопрос о том, что ценнее, – Реймский собор или церковь Спаса на Нередице – попросту лишен смысла. У каждого народа своя шкала национальных ценностей. Но ясно одно: при любой системе подсчета военные потери нашей страны, в том числе в области памятников культуры, ни с чем несравнимы и остаются невосполненными.

Глава 2

Зондеркоманда «Кюнсберг» и другие

Так случилось, что при произнесении слова «реституция» мы смущенно розовеем и сразу же начинаем неловко оправдываться. Вопрос этот достаточно сложный, но занимать все время позу оправдывающейся стороны не слишком продуктивно, да и исторически вряд ли оправдано. Попробуем разобраться.

Нельзя не заметить, что в последние годы заметно активизировались усилия Германии по возвращению культурных ценностей, перемещенных на территорию России после окончания Второй мировой войны. К сожалению, наши западные оппоненты, как правило, стремятся изолировать проблему «русских трофеев» от проблемы «русских потерь». Принятая ими концепция реституции культурных ценностей напоминает улицу с односторонним движением. А по ней далеко не уедешь.

Известно, что еще до нападения на СССР в гитлеровской Германии были созданы специальные организации для изъятия и вывоза культурных ценностей с оккупированных территорий. Из соображений конспирации названия они носили самые неожиданные. Так, одна из наиболее крупных бандитских фирм солидно именовалась исследовательским и просветительским обществом «Наследие предков». Зловещий отблеск на него бросало лишь имя покровителя – рейхсфюрера СС Гиммлера. «Просветительской» деятельностью того же профиля занимались также Оперативный штаб «Рейхсляйтер Розенберг», батальон особого назначения «Кюнсберг», названный так по имени его командира и подчинявшийся непосредственно министру иностранных дел Риббентропу, и отряд ротмистра Зольмса-Лаубаха.

Деятельность этих нацистских организаций оказалась мало исследованной по той причине, что многие архивные документы, связанные с событиями Второй мировой войны, до недавнего времени были засекречены и практически недоступны историкам.

Лишь в последние годы исследователи приступили к обстоятельному изучению деятельности немецких трофейных команд.

Сенсационные факты удалось выявить научному сотруднику Центра исследований Восточной Европы в Бремене Ульрике Хартунг. Опираясь на архивные разыскания, она опубликовала монографию «Разбойные нападения зондеркоманды Кюнсберга на территорию Советского Союза 1941–1943». Автору удалось обнаружить множество ранее никому не известных архивных материалов и фотодокументов о том, как осуществлялся во время Второй мировой войны вывоз в Германию российских культурных ценностей.

Примечательно, что после выхода в свет книги Ульрике Хартунг англичане неожиданно рассекретили часть документов, связанных с этим же подразделением. Оказывается, британской разведке из Центра радиоперехвата в Блетчли-Парк под Лондоном удалось расшифровать радиогаммы, которыми обменивались командиры и служащие спецбатальона «Кюнсберг» осенью 1941 года. Используя немецкую шифровальную машину «Энигма», попавшую в руки британской разведки, английские криптоаналитики без проблем читали сообщения нацистских «культурологов» о том, как осуществлялся грабеж советских музеев и библиотек. Но вот что любопытно. В годы войны англичане довольно щедро делились со своими союзниками информацией, добытой в Центре радиоперехвата. Однако сведения о спецбатальоне «Кюнсберг», которому было посвящено около двух тысяч шифросообщений в Блетчли-Парк, они по какой-то причине предпочли утаить.

Уникальные данные содержит и вышедший в издательстве Московского университета сборник документов «Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» (издание подготовлено М.А. Бойцовым и Т.А. Васильевой). Представленные в нем архивные материалы

являются учетной картотекой Альфреда Розенберга. Один из главарей Третьего рейха занимался вывозом в Германию культурных ценностей с оккупированных территорий и с немецкой аккуратностью их учитывал. 300 карточек посвящены «объектам культуры», находившимся на территории России, Белоруссии и Украины. Эти документы долгое время хранились в засекреченном Особом архиве в Москве (ныне Российский государственный военный архив).

Оперативный штаб «Рейхсляйтер Розенберг», созданный в июне 1940 года по распоряжению самого Гитлера, был учреждением весьма специфическим: он занимался конфискацией и перевозкой в рейх книг, архивов и рукописных материалов. Рабочие группы «штабистов» находились во всех крупных городах оккупированной советской территории. «Эксперты» Розенберга скрупулезно прочесывали музеи, библиотеки, архивы, научные учреждения, учебные заведения, не пропускали даже школ. Вот, к примеру, что писали они в феврале 1942 года о средней школе № 7 города Херсона: «Занята подразделением вермахта. Школьный инвентарь из комнат собран частично в вестибюле, частично в отдельной комнате и в подвале. Характер, значение, объем, состояние материала: химическая, физическая аппаратура, биологические и анатомические препараты. Наряду с актами и географическими картами имеются также пианино и небольшая библиотека» (карточка 277).

Картотека Розенберга дает дополнительную информацию, в частности, о судьбе знаменитой Янтарной комнаты, картин и скульптур Гатчинского и Павловского дворцов. В документах, относящихся к Пскову, имеется запись от 21 октября 1941 года, свидетельствующая, что немецкими солдатами были разрыты и разграблены могилы великих псковских князей.

Пухлая пачка карточек была составлена на музейные экспонаты Новгородского кремля и другие культурные сокровища древнего русского города. Под многими из них стоит подпись сотрудника группы «Ингерманланд» Георга Фридриха фон Крузенштерна. Уже в наше время архивисты установили шокирующий факт: он являлся дальним родственником знаменитого русского мореплавателя.

Среди трофейных материалов выявлен и документ со сведениями о варварском отношении фашистов к религиозным святыням. В мартовской записи 1942 года говорится, что церковь Михаила Архангела – единственная в Новгороде, в которой в советское время разрешалось проводить богослужения, – была разграблена и разорена солдатами испанской «голубой дивизии», входившей в состав вермахта.

Картотека «Z», с которой наконец-то снят гриф секретности, впервые оказалась доступной всем желающим как в переводе на русский язык, так и в виде факсимиле, что снимает всякие подозрения относительно достоверности публикуемых документов.

С особым рвением специалисты Оперативного штаба охотились за книжными собраниями. Дело в том, что Альфреду Розенбергу, как «главному теоретику по национальному вопросу» и «знатоку России», было поручено сформировать из трофейных книг фонды двух новых библиотек имперского значения – Восточной библиотеки и Библиотеки Высшей Школы НСДП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии). Конфискованные книги первоначально свозились в централизованные книгохранилища, расположенные в Прибалтике, а оттуда отправлялись в Берлин.

Позднее из-за сильных бомбардировок союзной авиации гитлеровцы были вынуждены переправить большую часть награбленных книг из Берлина в штольни Восточной Силезии, где они были тщательно спрятаны. Украденным книгам пришлось много путешествовать. Главный книжный депозитарий располагался в местечке Рацибож (Ратибор). А в начале 1945 года, перед самым приходом Красной Армии, наиболее ценные книжные собрания были перевезены в Баварию.

Особенно крупная добыча попала в руки «экспертов» Оперативного штаба в Смоленске. Как известно, существует непреложное правило: при эвакуации в первую очередь подлежат вывозу секретные архивы и культурные ценности. Однако в условиях паники, вызванной

стремительным наступлением гитлеровцев летом 1941 года, в Смоленске были брошены на произвол судьбы не только библиотечные фонды и другие сокровища культуры, но даже коммунистическая святыня – областной партархив. Так что не случайно наибольшее количество карточек торжествующие подручные Розенберга заполнили именно в Смоленске.

Рабочую группу «Смоленск» возглавлял «искусствовед в штатском» д-р Отто Нерлинг. Он лично проводил осмотр и экспертизу культурных трофеев. Картотека «Z» содержит 13 карточек, составленных им собственноручно. Недавно в Германии были обнаружены и опубликованы фотографии, на которых с редкой добросовестностью, во всех подробностях запечатлен процесс подготовки к вывозу из Смоленска книжных фондов. Снимки отнюдь не блещут фотографическим мастерством, но как документы они бесценны, потому что замечательно точно передают, с какой бездушной четкостью работала фашистская машина – «культурная» зондеркоманда. Как выяснилось, автором этих фотографий являлся все тот же д-р Нерлинг.

До войны Смоленская областная библиотека насчитывала около 650 тысяч томов, после освобождения города осталось чуть больше ста тысяч.

Невосполнимые потери понес и городской музей. Особенно пострадала ценнейшая коллекция рукописей и документов. Среди них была византийская рукопись на пергаменте, средневековые грамоты, рукописные указы Петра I, псалтырь Онежского монастыря, рукописи Екатерины II, Брюсовский календарь XVIII века. Все эти раритеты бесследно пропали. Аналогичная участь постигла музеи и библиотеки многих городов, находившихся в зоне гитлеровской оккупации. Жесточайшему разграблению подверглись библиотеки Пскова, Воронежа, Орла, Курска, Ростова-на-Дону, Ставрополя и многих других городов.

Осознать этот факт очень важно, потому что чаще всего, говоря о трагических потерях российской культуры в годы Великой Отечественной войны, мы вспоминаем оскверненную Ясную Поляну, разрушенные фонтаны Петергофа, сожженные дворцы Павловска и другие художественные шедевры. Но ведь есть и культура скромной российской провинции, понесшая поистине невосполнимый урон!

Работавшая в годы войны Чрезвычайная государственная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) установила, что на временно оккупированной советской территории были уничтожены 43 тысячи библиотек. Потери массовых библиотек составили в общей сложности 100 миллионов томов.

Следует оговориться, что эта цифра весьма приблизительна и скорее всего занижена. Дело в том, что работа ЧГК затруднялась многими обстоятельствами, и прежде всего тем, что при отступлении интервенты, как правило, уничтожали или вывозили с собой инвентарные книги и каталоги. Некоторые исследователи пришли к выводу, что в результате гитлеровской агрессии погибло не менее 200 миллионов томов.

Серьезную конкуренцию Оперативному штабу «Рейхсляйтер Розенберг» в деле разграбления культурных ценностей составлял уже упомянутый мною батальон особого назначения «Кюнсберг». Командир этого элитного подразделения барон Эберхард фон Кюнсберг – личность во многом загадочная. Дошедшие до нас биографические сведения о нем крайне скудны и отрывочны. Родился он в 1909 году в старинной аристократической семье. В Вюрцбурге окончил гимназию. В двадцатилетнем возрасте вступил в нацистскую партию. Какое-то время изучал юриспруденцию в Мюнхенском университете. В середине тридцатых Кюнсберг был переброшен (а может быть, внедрен?) в министерство иностранных дел. Под мидовской крышей он пребывал во многих европейских столицах. Через несколько лет снова посетил эти места, но уже в ином качестве.

В 1939 году по поручению министра иностранных дел Третьего рейха Риббентропа майор Кюнсберг возглавил необычное спецподразделение. Оно было укомплектовано в основном научными сотрудниками – архивистами, музейными работниками и искусствоведами. В оккупированных странах «культурологи» Кюнсберга охотились главным образом за особо ценными

архивами. Спецбатальон был отлично экипирован: его материально техническое обеспечение осуществлялось войсками СС. В распоряжении Кюнсберга находились грузовые машины, упаковочные материалы и своя рабочая сила.

В случае захвата гитлеровцами Москвы и Ленинграда подчиненные Кюнсберга должны были незамедлительно – это считалось важнейшей задачей – взять под охрану главные административные здания, а затем приступить к изъятию документов государственного значения. Опыт проведения подобного рода операций у майора был достаточно большой. Его батальон успешно действовал в этом направлении в Польше, Нидерландах, Бельгии, Норвегии, на Балканах и в Греции. Не случайно Абвер квалифицировал это войсковое подразделение как «u.k.» (unabkömmlich – особо необходимое). Однако ни в Москве, ни в Ленинграде проявить свои дарования Кюнсберг так и не смог: овладеть двумя российскими столицами гитлеровцам так и не удалось. Стоит заметить, что барона интересовали не только секретные архивы. Он был явно неравнодушен и к антиквариату. В оккупированном немцами Париже Кюнсберг по поручению Риббентропа активно конфисковывал произведения искусства у французских евреев. Уже тогда ходили слухи, что он весьма преуспел в накоплении личного состояния.

На Восточном фронте роты батальона особого назначения находились во всех крупных армейских соединениях. Но особо отличились вторая и четвертая роты. Именно специалистами этих подразделений изымались старопечатные книги из коллекции пригородных дворцов Ленинграда.

В марте 1942 года в Берлине была организована выставка под сухим техничным названием «Образцы материалов, вывезенных спецкомандой Кюнсберга при министерстве иностранных дел во время военных действий из России». Экспозиция была поделена на четыре раздела, три первые – архивы, четвертый был озаглавлен особенно цинично: «Ценности, спасенные от уничтожения». Был издан также объемистый каталог, рассылавшийся нацистской верхушке. Благодаря этому документу мы узнали, что зондеркоманда Кюнсберга «спасла» в России в общей сложности 304 694 единицы произведений искусства. В отличие от гитлеровской организации «Наследие предков», которая делала вид, что использует конфискованные материалы в «научных целях», Кюнсберг прибегать к маскировке считал излишним: награбленные им культурные ценности распределялись по различным фашистским конторам. Самым крупным получателем являлся, естественно, МИД, куда было передано 75 тысяч книг и около 70 тысяч географических карт. Наиболее ценные книги, вывезенные из дворцов музеев Ленинградской области, были переданы в министерство оккупированных восточных территорий.

Поступали трофеи и в адрес, как говорят сегодня, «физических лиц». Ульрике Хартунг приводит в своей монографии любопытный документ – благодарственное письмо в адрес Кюнсберга от графа фон Шуленбурга. Бывший посол Германии в Советском Союзе сердечно благодарил «дорогого барона» за присланные ему в подарок сто старопечатных книг на немецком и французском языках. Как выяснилось, эти книги были вывезены Кюнсбергом из Павловского дворца. После завершения берлинской выставки зондеркоманда «Кюнсберг» за верную службу была преобразована в «батальон войск СС специального назначения». Майору Кюнсбергу, соответственно, было присвоено звание штурмбанфюрер СС.

Долгое время об этом воинском подразделении у нас ничего не было известно. Но осенью 1942 года на Северном Кавказе в районе Моздока в плен попал командир четвертой роты батальона особого назначения д-р Норман Ферстер. В своих показаниях эсэсовский «культуролог» подробно рассказал, как в 1941 году его команда, войдя в Царское Село, вывозила имущество Екатерининского дворца. Эта информация 17 ноября того же года была напечатана в «Правде», а затем распространена по каналам ТАСС в Европе. Впоследствии показания Ферстера фигурировали в документах Нюрнбергского процесса. Следует сказать: несмотря на то, что вывоз ценнейшей библиотеки, старинной мебели, картин и других музейных предметов из

Большого дворца императрицы Екатерины осуществлял батальон «Кюнсберг», главное сокровище музея – Янтарная комната – досталось другим. Барона опередил прыткий мародер граф Зольмс-Лаубах. Его отряд, тоже промышлявший трофеями, ворвался в Царское Село значительно раньше своих конкурентов.

Через четверть века, уже будучи директором Музея художественных промыслов во Франкфурте-на-Майне, Зольмс-Лаубах с удовольствием раздавал интервью газетчикам, в которых подробно расписывал, каким образом происходил демонтаж и вывоз панелей Янтарной комнаты из Екатерининского дворца.

По словам Ульрике Хартунг, у барона Кюнсберга были весьма натянутые отношения со своим шефом Иоахимом фон Риббентропом. Получив несколько взысканий, он летом 1943 года был отстранен от командования батальоном, который позже был расформирован. По заведенному порядку проштрафившихся обычно переводили в боевую часть и отправляли на фронт. С Кюнсбергом этого не случилось. Дело в том, что существовала негласная директива, запрещающая посылать держателей государственных тайн в места, где они могли попасть в руки противника. Некоторое время барон был не у дел. Затем ему предложили пост генерального консула в Тиране. Как раз в то время немцы формировали на Балканах из этнических албанцев эсэсовскую горную дивизию «Скандербег» и кавалерийскую «Флориан Гейер». Албания оказалась для Кюнсберга последним местом службы. В конце войны он загадочным образом исчез, и дальнейшая его судьба окутана покровом тайны. Имя Кюнсберга с тех пор будет фигурировать только в документах Нюрнбергского процесса да в работах военных историков, затрагивающих проблему разграбления культурных сокровищ.

Исследование бременского историка Ульрике Хартунг, как и вышедшая в Москве книга «Картотека «Z», указывают на то, что грабеж нацистами культурного достояния России носил не стихийный характер, а осуществлялся по тщательно разработанному плану.

В наши дни предпринимаются попытки как бы уравновесить, а то и просто поставить на одну доску ограбление гитлеровцами российских библиотек и перемещение после войны в Советский Союз немецких книг в качестве некоторого возмещения наших книжных потерь. Однако эти понятия несопоставимы. И не только стилистически.

По некоторым данным, общее количество перемещенных после Второй мировой войны на территорию СССР немецких книг не превышает семи миллионов изданий. Цифра крупная, но существенно меньшая, чем ущерб, причиненный агрессором российским библиотекам.

На Ялтинской конференции 1945 года, а затем и в Потсдаме было утверждено положение о компенсаторной реституции, согласно которому страна агрессор обязана была возместить стране-жертве причиненный ей ущерб собственным достоянием того же рода. Поэтому вывоз из Германии культурных ценностей в качестве компенсации наших потерь происходил на законных основаниях.

Правда, сейчас на Западе не прочь поставить под сомнение само положение о «компенсаторной реституции»: якобы оно не соответствует нормам международного права и вообще является чуть ли не «сталинской выдумкой». Между тем положение о компенсаторной реституции получило признание в международном праве еще задолго до начала Второй мировой войны. Его пункты содержались уже в Версальском договоре 1919 года (статья 247), а затем были включены в Устав ООН (статья 107).

Не следует забывать также, что в 50-60-е годы советское правительство возвратило бывшей ГДР в качестве жеста доброй воли почти девяносто процентов вывезенных после войны из Германии историко-культурных ценностей. В общей сложности было передано около двух миллионов музейных предметов, в том числе знаменитый Пергамский алтарь и шедевры Дрезденской картинной галереи. Тогда же были возвращены книги Саксонской земельной и Берлинской государственной библиотек, а также большая часть книжных фондов библиотеки города Готы.

Но об этом сейчас как-то не очень любят вспоминать.

Глава 3

В поисках утраченных шедевров

На крупнейших западных аукционах в последние годы все чаще стали появляться, словно выныривая из омута времени, картины с инвентарными номерами Русского музея. Это – эхо войны, следы преступления, совершенного гитлеровцами, когда они, захватив Крым, разграбили передвижную выставку петербургского музея, находившуюся во дворце графа Воронцова в Алупке.

Рассекреченные недавно архивные документы Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» свидетельствуют, что остатки разоренной экспозиции в 1943 году были вывезены в Берлин. Судьба многих произведений этого уникального собрания русской живописи с тех пор остается неизвестной.

Завязка этой драматической истории относится к довоенному времени. В начале 1940 года Русским музеем в Ленинграде была сформирована передвижная экспозиция «Основные этапы развития русской живописи», которая, как это было принято в советские времена, для художественного просвещения народных масс отправилась в путешествие по маршруту Нальчик – Керчь. Коллекция была тщательно подобрана – настоящее собрание шедевров, включавшее работы таких прославленных мастеров русской живописи как О.Кипренский, В.Тропинин, К.Брюллов, А.Иванов, И.Крамской, В.Суриков, И.Репин, А.Венецианов, В.Верещагин, А.Куинджи, И.Левитан, К.Маковский, Б.Кустодиев, В.Серов, К.Коровин и многих других. Весной 1941 года странствующая выставка находилась в Керчи, откуда направилась в Алупку. Здесь ее и застала война. Дошедшие до нас архивные документы говорят о том, что бесценные художественные реликвии Русского музея, несмотря на сумятицу и неразбериху, характерные для начального этапа боевых действий, не были брошены на произвол судьбы. Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР и руководство Русского музея прилагали немалые усилия, чтобы спасти коллекцию. 6 июля 1941 года директор передвижной выставки В.Бойков, выполняя инструкции, полученные из Москвы и Ленинграда, подписал акт о передаче 183 произведений живописи и графики Алупкинскому дворцу-музею «во временное пользование, до особого распоряжения». Есть сведения, что в конце августа их упаковали в ящики и попытались переправить на восток, но довели лишь до Ялты и вернули в Алупку.

Обстановка на фронте быстро ухудшалась, и уже к началу сентября 1941 года железнодорожное сообщение с Крымом было прервано. Эвакуировать ценности можно было разве что через Керченский пролив. Но и этот путь был далеко небезопасным, что подтверждает трагическая судьба Симферопольской картинной галереи. Ящики с предметами искусства были доставлены из Симферополя в Керченский порт, где они и находились несколько дней в ожидании отправки на Таманский полуостров. В ночь на 27 октября 1941 года в результате налета фашистской авиации все экспонаты галереи погибли – пропитанные маслом полотна сгорели дотла. В первые же месяцы оккупации Крыма Алупкинский дворец был разграблен офицерами штаба фельдмаршала Манштейна. Об этом, в частности, писал Е.Левит в своей книге «Осталось только на фотографиях». Изданная четверть века назад, эта работа, несмотря на некоторый налет публицистики и патетический слог, не потеряла своей актуальности и в наши дни, поскольку основана на тщательно выверенных архивных документах. Уже после того, как большая часть хранившихся в Алупкинском дворце художественных богатств была разворована, за дело взялись эксперты Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Эта нацистская организация, как известно, занималась вывозом в Германию с оккупированных территорий культурных ценностей.

Много важных подробностей о ее деятельности содержится в немецких трофейных архивах. Большой массив документов «хозяйства» упомянутого рейхсляйтера в настоящее время хранится в Киеве, в Центральном архиве высших органов власти и управления Украины. Мне уже приходилось писать о том, что эти материалы, к сожалению, все еще малодоступны для историков и практически не изучены. Однако в Министерстве культуры Российской Федерации имеется аннотированный перечень «киевской части» розенбергского архива, из которого мы и почерпнем необходимую нам информацию.

Первая запись относится к 20 октября 1942 года. Это – письмо сотрудника зондерштаба «Изобразительное искусство» доктора Роскампа, отправленное из Симферополя в Берлин руководству Оперативного штаба. Роскамп сообщал, что «63 полотна из Русского музея Петербурга, находившихся в Алушке как экспозиция передвижной выставки, подготовлены к отправке в Берлин (часть из них уже перевезена в Симферополь)».

Итак, в октябре 1942 года в Алушкинском дворце находилось всего 63 полотна из состава передвижной выставки Русского музея. А ведь, согласно акту временной передачи от 6 июля 1941 года, как мы уже знаем, коллекция состояла из 183 произведений. Так что 120 произведений остались на совести штабистов Майнштейна.

Пропажа такого количества картин не могла быть незамеченной для высшего руководства Оперативного штаба, ведшего учет награбленного с немецким педантизмом. Поэтому доктор Роскамп в своем письме вынужден был изворачиваться, прикрываясь, в частности, такой неуклюжей и двусмысленной фразой: «Некоторые картины были похищены после взятия города».

Вторая запись датирована 12 марта 1943 года. Руководитель Главной рабочей группы «Украина» крайсамтляйтер Георг Антон сообщал из Киева в Берлин об отправке из Симферополя 46 картин. «Ввиду спешки, – писал Антон, – картины, возможно, придется отправлять в Киев в рулонах».

Таким образом, спустя полгода количество картин уменьшилось еще на четверть – воры старались вовсю, пытаясь опередить друг друга. По немецким источникам можно также проследить маршрут, по которому художественные ценности из Алушкинского дворца вывозились в Германию. Остатки передвижной выставки сотрудники Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» отправляли из Симферополя в Киев, а оттуда в Берлин.

Следует отметить, что недавно в архивах Розенберга был выявлен развернутый отчет группы «Крым», одной из структур оперативного штаба, в котором немало места уделено художественным ценностям Воронцовского дворца. Сама стилистика этого документа, как и других аналогичных материалов, весьма примечательна.

Потрясает лицемерие «искусствоведов» в фашистских мундирах. В одном из документов, например, отмечается, что, поскольку в будущем «создание Музея изобразительного искусства в Крыму не планируется», обнаруженные полотна для сохранения целесообразно перевезти в Берлин и «присоединить к фонду большевистских картин, которые находятся под охраной Оперативного штаба Розенберга». Текст отчета группы «Крым» тоже буквально нашпигован такими выражениями как «взято под нашу охрану», «удалось спасти». Можно подумать, что войну фашисты начали в основном для того, чтобы «спасти» сокровища русского искусства. Часто встречаются доносы на представителей конкурирующих германских служб, претендующих на то, что именно им поручено «распоряжаться всеми культурными ценностями». Достается и союзникам-румынам, которые похитили деревянное покрытие «купальни хана» в Бахчисарайском дворце, а саму ее «использовали в качестве отхожего места»...

Но вернемся к судьбе многострадальной выставки, точнее, того, что от нее осталось. Уже после войны, в 1948 году, из Берлина в Русский музей возвратились 35 картин. Еще 10 полотен тогда же ошибочно были направлены в Крым. Видимо, музейных работников, занимавшихся разборкой возвращаемых из Германии культурных ценностей, ввела в заблужде-

ние немецкая маркировка на ящиках. Как позже выяснилось, картины находились в ящиках, на которых имелись надписи на немецком языке с указанием на то, что это экспонаты Керченского музея. Через некоторое время ошибка была обнаружена. Однако Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, в ведении которого тогда находились все учреждения культуры, решил поступить «по-братски». Пять картин были возвращены Русскому музею, а остальные пять, среди которых находилась такая известная работа Архипа Куинджи как «Ночь на Днепре», были переданы возрождавшемуся из небытия Симферопольскому художественному музею.

А злключения возвращавшихся из плена полотен продолжались. Вскоре после освобождения Крыма было установлено, что в Алушкинском дворце находятся 25 картин Русского музея, которые немцы не успели вывезти в Германию. Однако вернуть эти экспонаты Русскому музею сразу не удалось. Дело в том, что во дворце графа Воронцова тогда размещалась так называемая Государственная дача – место отдыха высшей советской элиты. И шедевры русской живописи на многие годы стали частью интерьеров дворца, призванных услаждать отечественных вельмож. Могли ли они оценить художественный уровень этих полотен? Не спешите с ответом. В 1956 году, когда Алушкинский дворец снова был преобразован в музей, неожиданно обнаружилось, что из 25 картин 14 загадочным образом исчезли. Установить их местонахождение до сих пор не удалось. Известно, что есть такая категория постояльцев, которые, выезжая из гостиничного номера, норовят прихватить с собой в качестве сувениров пепельницы или элементы фирменной сервировки. Не исключено, что таким же «сувениром» для некоторых советских сановников стали полотна из Русского музея. Выходит, оценили...

11 оставшихся произведений вернулись из Крыма на берега Невы лишь в 1986 году. Возможно, измученные столь долгой борьбой руководители Русского музея несколько подустали. Не этим ли объясняется тот факт, что часть утраченных в годы Второй мировой войны произведений была исключена из учетной документации? И напрасно. Потому что уже с середины 90-х годов на антикварном рынке с завидным постоянством стали появляться полотна с инвентарными номерами Русского музея.

В октябре 1996 года Дом Кристи совместно с Союзом еврейских общин Австрии провел в Вене благотворительный аукцион. На распродажу было выставлено свыше 8 тысяч предметов искусства, которые более полувека хранились в средневековом замке Мауэрбах в пригороде Вены. Считалось, что они являлись собственностью австрийских евреев, конфискованной нацистами в годы войны.

Однако в западной прессе в адрес австрийского правительства было высказано немало нареканий, главным образом за то, что не востребованные художественные ценности так долго хранились в глубокой тайне, и не предпринималось никаких усилий для розыска их законных владельцев. Да и сам аукцион был проведен в спешке и без должной искусствоведческой экспертизы. С резкой критикой Мауэрбахского аукциона выступили, в частности, крупные специалисты по проблемам перемещенных культурных ценностей – историк Жозефина Лейстра (Голландия) и журналист Гектор Фелисиано (Франция). В международном бюллетене «Военные трофеи», № 3 за 1996 год, были одновременно опубликованы их статьи под красноречивыми заголовками «Мауэрбахское дело» и «Небесспорная распродажа».

К Мауэрбахским торгам был выпущен солидный каталог, в котором под № 583 значился «Портрет Петра Басина» работы Ореста Кипренского. Устроители аукциона не подозревали, что эта картина была похищена нацистами в Крыму из Алушкинского дворца. При стартовой цене 47 тысяч долларов работа Кипренского ушла с молотка за 170 тысяч. Приобрел ее крупный американский бизнесмен, меценат и коллекционер Рональд Лаудер, сын основательницы известной косметической фирмы «Эсте Лаудер». Когда это выяснилось, Министерство культуры России обратилось к американскому коллекционеру с просьбой обсудить возможность приобретения этого полотна для Русского музея. Узнав о драматической судьбе картины,

Рональд Лаудер решил безвозмездно передать ее России. В марте 1998 года, в дни столетнего юбилея Русского музея, шедевр Кипренского был доставлен из Нью-Йорка в Санкт-Петербург. На свое место в музейной экспозиции он вернулся спустя 58 лет.

В Мауэрбахском каталоге со временем было обнаружено еще одно полотно из числа утраченных Русским музеем – «Портрет мальчика-столяра» кисти Алексея Чернышева (1824 – 1863). Хотя Чернышев был художником не первого ряда, эта его работа хранилась в Русском музее и была отобрана для передвижной выставки. Той самой. Замечу также, что перед войной была издана большая серия цветных открыток-репродукций лучших картин Русского музея. В число этих шедевров вошел и «Портрет мальчика-столяра». Картину Чернышева, как выяснилось, приобрел на аукционе некий гражданин Франции, проживающий в настоящее время в США. Аукционная цена была невелика – 1400 долларов. Теперь же, по некоторым сведениям, владелец просит за нее \$ 100 000. Как тут не вспомнить бальзаковского Гобсека!

А вот картина Андрея Мартынова (1768–1826) «Вид в окрестностях Рима» неожиданно всплыла на III Российском антикварном салоне, проходившем в Москве, в Центральном доме художника на Крымском валу в октябре 97-го. Как потом было установлено, картина была привезена в Москву из Вены (похоже, все тот же австрийский след). Это полотно приглянулось одному из российских олигархов, большому любителю живописи. Министерство культуры России обратилось к нему с просьбой возвратить раритет законному владельцу. Увы, наш соотечественник оказался не столь благородным, как упоминавшийся выше американец.

Еще один след. В 70-х годах к сотрудникам Русского музея поступила информация, что в Западной Германии в одной из частных галерей находится картина Никанора Чернецова «Развалины церкви в Кутаиси». Тогда же по дипломатическим каналам ее пытались вернуть в Ленинград, но безуспешно. А затем, как это нередко бывает, картина пропала из виду. К сожалению, нет и ее фоторепродукции. Правда, некоторое представление о ней можно получить, заглянув в альбом «Государственный музей искусств Грузинской ССР» (М., Советский художник, 1989), в котором опубликована цветная фоторепродукция одного из вариантов работы Никанора Чернецова.

Но похищенные гитлеровцами картины Русского музея обнаруживались не только в частных руках. «Портрет крестьянина» кисти Крамского очутился после войны в Чехии и многие годы украшал Моравский музей города Брно.

Не вернулась в Петербург и такая известная картина Василия Тропинина как «Девушка с горшком роз». В неразберихе послевоенных лет ее по ошибке передали Музею В.А.Тропинина и московских художников его времени. Но это тот редкий случай, когда Русский музей не настаивает на возврате. Его руководители согласились с тем, чтобы шедевр Тропинина хранился в музее его имени.

В поле зрения экспертов попала еще одна картина из числа утраченных. На «Русских торгах» аукционного дома Сотби, состоявшихся в Лондоне 21 мая 2003 года, среди выставленных лотов под № 16 значился «Портрет Великой княгини Александры Павловны» работы Федора Богневского (вторая половина XVIII – начало XIX века). Многие годы судьба этого полотна оставалась неизвестной. Министерство культуры РФ направило в Лондон документы, неоспоримо доказывающие право собственности России на картину Богневского. Англичане отнеслись к этому с пониманием. Известный меценат и финансист Джекоб Ротшильд выплатил компенсацию владельцу картины, и 15 июля 2003 года портрет дочери Павла I дипломатической почтой был доставлен из Лондона в Москву.

А в 2004 году на российском антикварном рынке неожиданно нашлись еще две картины. Это – «Вид в окрестностях Неаполя» С.Ф.Щедрина и «Дети, выпускающие птичку на волю» неизвестного художника школы А.Г.Венецианова.

Что ж, пора подвести итог. На сегодняшний день из 183 экспонатов, входивших в состав передвижной выставки, в Петербург вернулись только 63. По-прежнему в розыске находятся

такие прекрасные работы, как ««Турчанка» К.Брюллова, «Охотник» А.Венецианова, «Старая Ладога» Л.Логорю, «Водопад в Тиволи» Ф.Матвеева, «Буддийский храм в Никко» В.Верещагина, «Старая Москва. Пристань у Спасских водяных ворот Китай-города» А.Васнецова, «Нормандское побережье» А.Боголюбова, «Портрет графини Олсуфьевой» М.Макарова, «Старая Русса» Б.Кустодиева, «Девушка в сарафане» В.Серова, две замечательные репинские работы «У костра» и иллюстрация к гоголевской повести «Тарас Бульба», многократно публиковавшийся в дореволюционных изданиях «Портрет жены художника в красном берете» К.Маковского.

Трудная одиссея шедевров национальной живописи длится уже более семидесяти лет и пока далека от завершения.

Глава 4

По следам Тургеневской библиотеки

В 1940 году по распоряжению нацистского идеолога Альфреда Розенберга из Парижа в Германию была вывезена Русская общественная библиотека имени И.С.Тургенева. С тех пор о ее судьбе практически ничего не было известно. Как на Западе, так и у нас считалось, что уникальное собрание погибло в 45-м в окрестностях Берлина. Однако выявленный недавно документ, многие годы пролежавший в «закрытом фонде» Государственного архива РФ, обозначил новый след: книги «Тургеневки» вынырнули после войны в советской зоне оккупации – в Нижней Силезии.

При деятельном участии Ивана Сергеевича Тургенева в 1875 году в Париже возникла первая русская общественная библиотека. Мысль о ее создании первым высказал проживавший в эмиграции известный революционер-народник Герман Лопатин. Поскольку денег у него не было, он обратился за содействием к жившему в то время в Париже Тургеневу.

Позже Лопатин рассказывал: «Помню, мы, русские, решили создать библиотеку в Париже, где бы мы могли собираться читать. Попросили Тургенева устроить в пользу этой библиотеки утро». Знаменитый писатель, который не раз материально помогал соотечественникам, оказавшимся на чужбине, с готовностью откликнулся на эту просьбу.

Первое литературно-музыкальное утро (термин, бытовавший в XIX веке и позднее замененный не вполне тождественным «утренником») в пользу будущей русской читальни было устроено Тургеневым 27 февраля 1875 года. Состоялось оно в доме его близкого друга – выдающейся французской певицы Полины Виардо. Иван Сергеевич тщательно продумал программу этой благотворительной акции и лично разослал пригласительные билеты всем выдающимся землякам, проживавшим в то время в Париже. Среди приглашенных были такие знаменитости как художники Илья Репин, Василий Polenov, Константин Маковский, скульптор Михаил Антокольский, кстати, тогда же пожертвовавший одну из своих статуэток будущей библиотеке, российский посол в Париже князь Орлов, профессор Колледж де Франс, один из организаторов российского масонства Григорий Вырубов. Выступив перед собравшимися, Тургенев с блеском прочел свой рассказ «Стучит», а также рассказ Глеба Успенского «Ходок». Вслед за инициатором встречи свои произведения прочли гостившие в Париже Глеб Успенский и поэт, автор злободневных фельетонов и пародий Николай Курочкин. В музыкальной части приняли участие пианистка А.П.Есипова и скрипач К.Ю.Давыдов. Судя по воспоминаниям Марии Ге, мемуары которой были опубликованы в 1915 году, особенно запоминающимся стало выступление хозяйки гостиной, блистательной Полины Виардо. Обладательница красивого меццо-сопрано исполнила на русском языке несколько популярных романсов. Автор писала: «Виардо... пела (по-русски) романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал». Пела она восхитительно. Тургенев стоял в дверях, ведущих из залы в гостиную, прислонясь плечом к раме этих дверей, и слушал романс, пристально глядя на певицу. Я сидела в одном из задних рядов кресел, недалеко от дверей гостиной, и, не знаю почему, слушая этот номер, по временам взглядывала на Тургенева и видела, как по прекрасному лицу его скатилась слеза».

Итак, первые деньги – две тысячи франков – были получены. Недостающую сумму для открытия читальни дал тот же Тургенев, который и позже в трудные минуты с готовностью приходил на помощь библиотеке. Кроме того, писатель подарил ей много книг, главным образом собственных произведений. Используя свои широкие связи, он помог читальне также получить книги и журналы от ряда других литераторов. Так был образован базовый библиотечный фонд. Через два месяца Иван Сергеевич устроил еще одно благотворительное утро, в котором приняли участие Полина Виардо, ее сын виолончелист Поль Виардо, композитор Антон Рубин-

штейн, писатель Алексей Писемский. Сам хозяин прочел гостям два своих шедевра – «Живые мощи» и «Гамлет Щигровского уезда». Иван Сергеевич считал библиотеку своим детищем и до последних дней жизни оказывал ей духовную и материальную поддержку. Вполне закономерно, что в 1883 году, вскоре после его смерти, общее собрание членов библиотеки единодушно постановило присвоить ей имя великого писателя. Лишившись своего щедрого покровителя, Тургеневская библиотека не раз попадала в трудное положение. Ей грозила опасность быть проданной на открытых торгах за долги домохозяину. Не всегда хватало денег и для выплаты жалованья библиотекарям. По заведенной традиции для изыскания средств организовывались благотворительные мероприятия. И хотя большинство русских эмигрантов не обладало большими средствами, Тургеневская библиотека выжила и продолжала умножать свою книжную коллекцию. Со временем она стала одним из крупнейших русских книгохранилищ за пределами метрополии. В уставе, принятом в 1911 году, целью Тургеневской библиотеки было провозглашено: «Дать возможность проживающим в Париже русским поддерживать духовное общение с родиной и следить за развитием ее общественной жизни». Особо было оговорено, что она ни в коем случае не может «перейти в собственность частного лица или в исключительное пользование отдельного кружка». 1920–1930 годы, когда во Францию хлынула новая волна эмигрантов, выброшенных из России Октябрьской революцией, для «Тургеневки» оказались периодом расцвета. Она стала одним из главных культурных центров русского зарубежья, помогая людям переносить тяготы чужбины, сохранять верность историческим корням. В ее стенах читались публичные лекции, проводились выставки, устраивались концерты и новогодние елки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.